

политика

Л. Е. Бляхер

РОССИЙСКИЕ РЕГИОНЫ В ПОИСКАХ СИЛОВОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ

Ключевые слова: энфорсер, социальный порядок, «вертикаль власти», региональная экономика, Дальний Восток

¹ Волков 1999, 2002, 2012.

² Олсон 2012.

³ См., напр. Люхтерхандт и др. 2012.

⁴ Там же.

Проблема силового предпринимателя (энфорсера), ярко поставленная российским социологом Вадимом Волковым¹ с опорой на модель «стационарного бандита» Мансура Олсона², давно заняла важное место в отечественном обществоведении, и прежде всего в политической регионалистике. Анализируя действия того или иного политического (квазиполитического) актора, исследователи вскрывают специфику региональных, да и не только региональных политических режимов, выявляют соотношение агентов, порождающих эти режимы³. Гораздо меньше внимания уделяется динамике этих процессов, смене режимов и самого состава силовых предпринимателей, производящих и поддерживающих социальный порядок на данной территории.

Между тем в постсоветской истории России достаточно четко выделяются периоды, связанные с господством того или иного силового предпринимателя. Конец 1980-х — начало 1990-х годов были временем криминальных «крыш» и «бандитской» экономики. О них, собственно, и писал Волков в своих работах. Вторая половина 1990-х годов прошла под знаком энфорсера губернаторского уровня. В это время отчетливо прослеживаются региональные политические режимы⁴. В первой половине «нулевых» годов этот энфорсер начинает слабеть, а на смену ему приходит новая структура — «вертикаль власти». Сегодня, на наших глазах, ситуация вновь меняется. Еще недавно единая «вертикаль власти» превращается в множество конкурирующих структур, дрейфующих по несогласованным траекториям.

Подобная ситуация «между энфорсерами», когда прежний силовой предприниматель по каким-либо причинам уже не производит социальный порядок, а новый еще не включился в эту деятельность, ставит общество в очень тяжелое положение. Наблюдая столкновения силовых акторов разной природы, социальный агент осмысляет последних как часть единой субстанции, ибо еще вчера каждый из них был элементом системы, обозначаемой термином «вертикаль власти». Соответственно, он пытается вывести из этих столкновений, все чаще прорывающихся в СМИ и социальные сети, некие общие правила. В результате сами столкновения не обобщаются, не включаются в тот или иной ряд политических или социальных феноменов. Они воспринимаются просто как беззаконие, ведь в ходе них разрушаются и формализованные законодательные нормы, и нормы неформальные. Действия,

которые еще недавно если не одобрялись, то считались вполне допустимыми, вдруг начинают трактоваться как преступление. Заступничество, дававшее индульгенцию совершавшим такие действия, перестает работать. Однако новых правил не возникает.

Причина достаточно очевидна. В этих столкновениях за звание «высшего хищника» пока нет того, кто мог бы установить монополию на легитимное насилие, обеспечить сколько-нибудь понятные и прозрачные правила игры. Версии правил, которые транслирует каждый из участников схватки, отвергаются или дискредитируются альтернативными силовыми акторами. В отсутствие правил не просто каждый эпизод схватки между «тиграми» выглядит случайным, но и само общество, пытающееся уцелеть в этих условиях, утрачивает упорядоченность. Любое социальное взаимодействие и любая хозяйственная транзакция превращаются в уникальное приключение, исход которого никем не гарантирован.

Эту весьма некомфортную ситуацию, в которой оказалось наше общество, я и попытаюсь рассмотреть ниже. Помимо тривиального и вполне обывательского желания понять, что же происходит в этом мире, мною движет и гораздо более академическое стремление — разобраться в существовании тех акторов, которые конкурируют сегодня на силовом поле. Ведь какой-то из них (или некое их сочетание) станет завтра тем самым *генеральным* энфорсером, который будет определять правила жизни в стране.

Сложность задачи заключается в том, что и для общественного сознания, и для научного дискурса характерно отставание от ситуации. Объектом рефлексии как со стороны публики, так и со стороны исследователей и политических экспертов обычно выступает прошлый энфорсер⁵. Эмпирическим основанием для такого утверждения служит, в частности, анализ нескольких серий интервью с предпринимателями Дальнего Востока, собранных мною или при моем участии с 1997 по 2016 г. (всего 223 интервью).

В подавляющем большинстве интервью актуальный силовой предприниматель оставался «фигурой умолчания». В 1997—1998 гг. респонденты охотно говорили о бандитских «крышах» и бандитской экономике⁶. Однако, как показывают более поздние исследования⁷, реальным энфорсером в регионе в это время был уже губернатор (точнее, структура губернаторского уровня). Бандиты же либо срослись с губернаторскими структурами, либо сохранили свою значимость исключительно на уровне микробизнеса, да и то не везде. Но губернаторы и чиновники вообще в интервью тех лет упоминались лишь эпизодически.

«Губернаторская экономика», основанная на административном рынке и достаточно сложно организованном «губернаторском картеле», стала видимой и вербализуемой в первой половине «нулевых» годов, когда реальное влияние губернаторов пусть еще не исчезло, но уже шло на спад. Сократились ресурсы и возможности этого энфорсера, появились иные, неподконтрольные ему акторы, обеспечивавшие «силовые

⁵ Cameron, Turovsky 2015.

⁶ Бляхер (ред.) 2000.

⁷ Bliakher 2013.

услуги». В тот период о губернаторе и его ближнем круге говорили уже вполне свободно. Гораздо меньше говорилось о «новых людях» в регионе. Как правило, респонденты ограничивались фразами типа: «*москвичи все захватили*», «*бизнес лег под Москву*» и т.п. Новый энфорсер вроде бы назывался (федеральный центр), но не описывался⁸.

⁸ *Ibidem.*

В принципе причины такого положения вещей лежат на поверхности. Актуального энфорсера опасаются. Он является участником текущих, еще не вполне институционализированных взаимодействий. Потому вербализация его затруднена.

Но даже с учетом вышесказанного не может не вызывать недоумения репрезентация энфорсера в серии интервью 2013—2016 гг., собранных мною при поддержке фонда «Хамовники» в городах Дальнего Востока⁹. Образ энфорсера как бы размывается, оказывается ситуативным. Актуализация в интервью того или иного силового предпринимателя начинает зависеть от ситуации, которую описывает респондент. И хотя все эти особенности были выявлены на материале вполне конкретного региона России, исследования, проводившиеся в других регионах¹⁰, указывают на то, что сходные процессы разворачиваются по всей стране.

⁹ *Интервью собирались в Хабаровске, Владивостоке, Комсомольске-на-Амуре, Биробиджане, Уссурийске, а также в малых городах региона. Для выявления динамики использовались интервью, взятые в тех же городах в «нулевые» годы.*

¹⁰ *Бляхер 2017.*

В настоящей статье я попытаюсь проследить, что происходит с энфорсером в региональном пространстве, выделить и описать существующих там силовых предпринимателей. Собственно, речь пойдет об изменении хозяйственных и социальных практик, поскольку, как было показано тем же Волковым, подобные изменения находятся в тесной взаимосвязи с деятельностью силового предпринимателя.

Хозяйственные практики эпохи «вертикали власти»

Судя по последней серии интервью, с середины «нулевых» годов началась радикальная смена хозяйственных практик. Традиционные формы хозяйственной деятельности (разные для разных регионов) постепенно свертывались. Причем объяснялось это не столько структурным насилием нового энфорсера («вертикали власти») в отношении прежнего и его «экономики», сколько тем, что новый энфорсер и новые хозяйственные практики оказывались намного выгоднее. Случаи прямого насилия носили эпизодический характер¹¹ и, как правило, обуславливались незнанием специфики местного хозяйства, а не стремлением подорвать экономическую базу «губернаторской экономики».

¹¹ *Подробнее см. Бляхер 2009.*

Тем не менее с начала текущего столетия «суверенитет» регионов стал сжиматься, а огромные полномочия, присвоенные губернаторами в первой половине 1990-х годов, — возвращаться на федеральный уровень. В результате этого процесса предприятия «губернаторского картеля», составлявшие основу экономики региона, лишились необходимых силовых услуг. Точнее, «региональный барон»¹² утратил способность их оказывать.

¹² *Бляхер 2012.*

В прежние годы преференции, предоставляемые хозяйствующим субъектам «региональным бароном», превышали их издержки по

финансированию этого уровня власти. Сужение полномочий привело и к уменьшению преференций. Выгода от поддержки губернатора снизилась. Сократились и возможности губернатора по производству социального порядка. Силовые структуры региона *de facto* перестали соотноситься с региональным уровнем, превратившись в элементы строившейся «вертикали власти». Обеспечение трансакций тоже отошло к «федералам». Ведь и деньги теперь, за редким исключением, поступали непосредственно из бюджета или из источников, связанных с государством.

Хозяйство региона нуждалось в услугах по производству порядка. Соответственно, начался поиск энфорсера, способного их обеспечить. Поскольку «вертикаль» выстраивалась из столицы, регионалы все активнее искали входы в столичные «коридоры власти». Средства здесь варьировали в зависимости от сферы деятельности и размера предприятий. Но все они так или иначе были связаны с вхождением в вертикально интегрированные холдинги. Собственно, это и обозначалось респондентами термином «лечь под Москву».

«Ну, ты понимаешь, деньги в центре распределяются, заказы. Мы же с РЖД работаем. Раньше можно было на месте договориться. <...> Сейчас тоже можно, но очень муторно. Вот мы и ушли под С. [название компании — Л.Б.]. Теперь мы их региональное представительство. А местным заказчикам просто поступает указивка: работать с нами. <...> Конечно, что-то отстегиваем в Москву. Не без этого. Но так работать удобнее. У нас обороты по 15% в год растут» (региональный представитель предприятия по производству охранных систем, 52 года, интервью 2011 г.).

Появился новый, и весьма обильный, ресурс для предпринимательства — государственные проекты и бюджетные региональные и муниципальные программы. Получение подобного заказа гарантировало (особенно на начальном этапе) ритмичное финансирование и вполне приличную прибыль. Понятно, что не все доходило до региона. Немалые суммы даже не покидали Первопрестольную. Однако и на местах всем хватало.

«Пару лет теперь можно не париться. Есть госзаказ. Можно работать. Там прибыль больше двухсот процентов. Представляешь? Конечно, чтоб такой заказ получить, пришлось долго с правильными людьми общаться. Я на водку теперь полгода смотреть не смогу. Но получил. Это — самое главное» (судовладелец, 51 год, интервью 2010 г.).

Гигантские стройки к саммиту АТЭС во Владивостоке, строительство трубопровода «Восточная Сибирь — Тихий океан», реконструкция Дальневосточной железной дороги и т.п. открыли широкое поле для предпринимательской деятельности. Участие в федеральных, региональных и муниципальных проектах, а также проектах бюджетных и казенных организаций превратилось в ведущее и наиболее прибыльное направление бизнеса в регионе. Да и уровень риска здесь был намного

ниже, чем, скажем, в лесном или рыболовном промысле. Как следствие, начался упадок региональных промыслов. Так, судя по интервью и обсуждениям на специализированных сайтах, существенно сократился импорт подержанных машин из Японии, в 1990-е годы кормивший десятки тысяч человек. Стала свертываться и инфраструктура, ориентированная на обслуживание этих машин и их владельцев.

Многие сферы деятельности, еще недавно вполне эффективные, оказались просто убыточными. Весьма показательна в этом плане судьба старательской артели «Амур». В 1990-е годы эта артель не только была одним из важнейших источников пополнения бюджета Хабаровского края, но и на собственные средства реконструировала центральную часть краевого центра и построила там спорткомплекс «Платинум-арена». При этом оплата и условия труда на приисках были настолько привлекательными, что попасть туда было непросто. Сам же владелец «Амура» входил в число богатейших людей страны.

С переходом артели в руки «НК-Альянс», а позже «Роснефти» ее прибыльность резко упала, несмотря на заметное сокращение заработной платы работников. Возросшие издержки легальности¹³ и контроля попросту «съели» всю прибыль. Огромная формальная структура, необходимая для поддержания контактов с государством, с трудом кормила саму себя и многочисленных контролеров, группировавшихся вокруг нее. В итоге золотодобыча тоже попала в число ограниченно рентабельных отраслей.

Тем бóльшую значимость приобрели государственные трансферты и инвестиции в регион, в том числе в качестве ресурса для бизнеса. А доступ к этому ресурсу определялся не столько рынком или конкурсной процедурой, сколько той социальной сетью, в которую входил предприниматель, его статусом. Здесь достаточно четко выделяются несколько уровней предпринимательства.

Высший уровень — участие в государственных проектах, реализуемых в регионе. Эти проекты находились под непосредственным покровительством первых лиц, щедро финансировались. Понятно, что среди участников таких проектов не было случайных лиц. К ним допускались только люди, входящие в определенные круги, обладающие там репутацией «своих». Ими заменили не вполне надежных собственников 1990-х годов, выросших в «губернаторской экономике». Впрочем, значительная часть бенефициаров прежней хозяйственной модели благополучно перекечевала в новую эпоху. Войдя во всероссийские компании, они поставляли оборудование для трубопровода «Восточная Сибирь — Тихий океан», выполняли строительные работы к саммиту АТЭС, прокладывали дороги, тоннели.

Но это пространство для бизнеса было не единственным деловым пространством, индуцированным государством.

Как и в прежние — советские и досоветские — времена, рабочих рук в регионе стало остро не хватать. Местные жители не спешили наниматься землекопами и разнорабочими на стройки, требовали

¹³ Панеях 2014.

социальных гарантий и многого другого. Поскольку массы заключенных уже не было, да и с переселенцами, жаждавшими поднять далекие окраины, дело обстояло плохо, на помощь пришли гастарбайтеры из Северной Кореи и бывших советских республик Центральной Азии. (Китайские рабочие, популярные у работодателей на рубеже веков, к исходу «нулевых» годов с дальневосточных просторов почти исчезли.) Но хотя рабочие из стран зарубежья были несколько дешевле, чем местные работники, регион вновь перестал себя обеспечивать, тем более что сфер, где его жители могли (и хотели бы) проявить свою самодостаточность, осталось не так много. Масштабные государственные проекты к хозяйству региона, да и региональному сообществу имели косвенное отношение. Наличные трудовые ресурсы, внезапно разучившиеся себя «кормить», теперь приходилось содержать. В 1990-е годы решение этой задачи (социальная политика) возлагалось на губернаторов. Такое положение сохранилось и в «нулевых». Изменились ресурсы.

В эпоху «региональных баронов» деньги на социальную политику добывали сами губернаторы (отчисления за услуги, отчисления как показатель лояльности и т.д.). Однако с приходом нового энфорсера подобное добывание денег могло быть истолковано как самоуправство. Да и возможностей расплачиваться с бизнесом стало намного меньше. Как следствие, традиционных ресурсов на социальную политику хватать перестало. И поскольку ответственными за лояльность населения оставались губернаторы, в региональные бюджеты полились финансовые потоки из бюджета федерального. Организация оптовых закупок лояльности превратилась в главную функцию губернаторского уровня «властной вертикали». Губернаторы стали распределителями средств на социальную политику, а регионы погрузились в дотационность. Это и легло в основу новой «губернаторской экономики».

Выделенные из федерального бюджета деньги требовалось превратить в школы, больницы, квартиры, детские сады. Их должен был кто-то построить. Их должен был кто-то обслуживать. Участники этого бизнеса тоже в известной мере назначались из проверенных, «своих» людей. Вознаграждение здесь было более скромным, поскольку само «служение» носило менее значимый (с точки зрения государства) характер. А так как залогом процветания и даже просто существования подобных предпринимателей выступало взаимодействие с тем или иным уровнем власти, все они действовали в легальном поле.

В интервью упоминались различные схемы снижения налогооблагаемой базы и условия, при которых на них закрывали глаза. Скажем, предприятие брало на себя выполнение некоего необходимого региональной или городской администрации проекта, который по какой-то причине не мог быть проведен через легальный тендер. В этом случае завышение расценок и затрат воспринималось как должное. Здесь, кстати, чаще всего и усматривали коррупцию народные борцы

¹⁴ См. Бляхер 2014. с этим злом¹⁴. Но нужно учитывать, что именно данные схемы и позволяли региональным акторам как-то действовать в условиях постоянно нарастающего контроля. В итоге разработка и использование таких схем оказались чуть ли не основой выживания.

В этой ситуации начал формироваться отдельный и достаточно доходный сектор предпринимательства — консалтинговые услуги. Профессиональные (и не очень) юристы проводили семинары или давали разовые консультации на предмет работы с тем или иным законом, оформления документов для участия в тендере и т.д. Чаще всего это были люди, связанные с определенной государственной структурой, «вход» в которую они и обеспечивали. В большинстве своем консалтинговые фирмы обладали легальным статусом, выступая своеобразным фильтром на пути к бюджету.

Но к концу «нулевых» годов относительно либеральная ситуация в сфере контроля стала ужесточаться. В целом подобный сдвиг был вполне ожидаемым. В предшествующий период в регионе циркулировали средства (деньги, ресурсы) «региональных баронов», которыми те по необходимости делились с федеральным центром, и контролировать самих себя им было незачем. Теперь же речь шла о федеральных деньгах¹⁵, которые, особенно на первом этапе, пытались перераспределять прежним образом, что, естественно, порождало желание проконтролировать их использование.

Начался стремительный рост числа контролеров из самых разных сфер и областей, порой не связанных с фискальными службами или силовыми органами. Появились отраслевые, корпоративные, общественные и т.д. контролеры. Определенное представление о масштабах этого роста дают цифры, приводившиеся в нескольких интервью (хотя за их достоверность нельзя поручиться, как отражение общего ощущения они заслуживают внимания). По утверждению респондентов, за «нулевые» годы число служащих (государственных, муниципальных, силовых, включая военнотружущих) в Хабаровском крае увеличилось в пять раз, приблизившись к 40 тыс. человек. Это создало существенные проблемы для «околобюджетного» бизнеса (о которых я скажу чуть позже). Зато открыло дополнительные возможности для бизнеса сервисного. Ведь за свой труд «служилые люди» получали совсем не маленькие зарплаты, которые «инвестировались» в потребление.

С появлением данной группы в регионе сформировался платежеспособный спрос на высококачественные товары и услуги — дорогие автомобили, элитные квартиры и дома, «брендовую» одежду, бани, заимки и рестораны премиум-класса и т.д. Соответственно, возникли многочисленные (и вполне успешные в тот период) фирмы, удовлетворявшие этот спрос. Потребление и сверхпотребление получателей «государственного кормления» стало для них пространством промысла.

Поскольку покупателей в данном случае интересовала только сама услуга, уровень легальности этих фирм был очень разным. Если

автосалоны, как правило, вели легальную деятельность, то станции техобслуживания были легальными далеко не всегда. Достаточно часто предприятия, обслуживавшие эту категорию потребителей, представляли собой разветвленную сеть неформальных производств (приусадебные хозяйства, перевозчики, повара на дому и т.д.), где только итоговый элемент — ресторан или кейтеринг-центр — обладал легальным статусом. Но в интервью упоминались и предприятия, полностью лишенные такового: нигде не зарегистрированные автомастерские, размещавшиеся в частном секторе, «охотничьи домики» и т.п.

¹⁶ Имеется в виду Еврейская автономная область.

«Мы на охоту обычно в „Еврейку“¹⁶ ездим. Там мужики все классно организовали. Номера, загонщики, флажки. Сафари настоящее. А потом банька, комнаты удобные, постелька. Все по-людски. И отдохнешь там, и поохотишься, и с мужиками, если нужно, тему перетрешь.

Интервьюер: *А они как-то оформлены? Ну, там, регистрация, лицензия...*

А зачем? Они охотники? Их охотоведы и охраняют за долю. Нормально там все» (владелец выставочного салона, 54 года, интервью 2011 г.).

Еще меньшую склонность к легализации проявляли предприниматели, ориентирующиеся на непривилегированную часть населения. Эта сфера бизнеса тоже переживала подъем. Ведь в «нулевые» годы на фоне фантастически высоких цен на энергоносители и активной покупки лояльности населения начали расти доходы даже «нищих» бюджетников. В ответ на появление платежеспособного спроса стали открываться «массовые» кафе и шашлычные, магазины и автомастерские, ожил рынок подержанных автомобилей (хотя и не достиг уровня 1990-х годов), увеличилось количество бригад, предлагавших услуги по ремонту квартир, строительству дачных домиков, благоустройству территории и т.д.

К исходу прошлого десятилетия крупнейшие города региона (Хабаровск и Владивосток), да и города поменьше обзавелись вполне приличной социальной инфраструктурой. Многочисленные промысловики нового типа, не всегда легальные, но предприимчивые, сделали их вполне комфортными для проживания — во всяком случае, намного более комфортными, чем это было в советские и первые постсоветские годы. Не исчезли и классические промысловики (охотники, собиратели дикоросов, рыбаки, лесорубы, перевозчики и т.д.). Конечно, криминальный лес стали вывозить в гораздо меньших объемах (в 1990-е годы это был один из основных видов теневого бизнеса), уменьшился и теневого вылов рыбы. Но сами эти виды деятельности, судя по косвенным данным и некоторым интервью, продолжали кормить людей. И ими продолжали заниматься.

Принципиально важно, что образование гигантских вертикально интегрированных компаний, необходимых для получения услуг нового энфорсера, привело к формированию у него специфических

инструментов изъятия. Они были ориентированы не столько на выявление уклоняющихся («теневиков»), сколько на изъятие дохода у предприятий, получающих государственные или связанные с государством заказы.

«Проверяют же не Ваню Иванова из киоска возле остановки или дядю Васю из гаража. У него ни адреса, ни телефона. Его попробуй найди. Он свою фанерку перенес на 300 метров и опять работает. А проверяют меня. У меня и адрес в любом справочнике, и телефон легальный, и бухгалтерия. Вот и долбят проверками постоянно. А куда денешься? Хочешь работать с тендерами — терпи» (владелец предприятия, 54 года, интервью 2011 г.).

О росте числа проверок в интервью конца «нулевых» — начала 2010-х годов упоминалось почти постоянно. Однако до самого последнего времени это воспринималось (и трактовалось) как условие бизнеса. Таковы правила игры. За исполнение этих правил допускают к ресурсу (заказам, работе и т.д.), обеспечивают локальную монополию. Но подобная ситуация сохранялась недолго. Уже в интервью 2013 г. респонденты заговорили о нарастающих проблемах. Мегапроекты в регионе завершались. Новые же проекты финансировались гораздо более скромно, а контролировались намного жестче. Особое беспокойство у респондентов вызывал избыточный контроль. Понятно, что на избыток контроля и контролеров жаловались прежде всего представители легального бизнеса. «Нелегалов» или «не вполне легалов» эти проблемы пока не касались.

«Прикинь, приходят ко мне тетки. Такие, знаешь, крашенные, усталые. И говорят, что по их нормативам я должен заплатить такую хорошую сумму штрафа. „За что?“ — говорю. Они мне: „Тогда мы проверять будем“. „Хорошо, — говорю, — проверяйте“. У меня японцы аудит проводили. Все чисто. Месяца два копали. Ничего не нарыли. А потом счета арестовали. Типа на время проверки. Представь. Ни одна проплата не идет. Ничего. Я потыкался туда-сюда. И, знаешь, на мировую пошел. Нашли с главбухом у себя нарушения. Честно заменили правильную бумажку на неправильную. Принесли им. А главная их тетка говорит: „Еще тысяч на пятьсот напиши-те, тогда и хорошо будет“. И ведь написал. Вот так и живем» (руководитель и владелец предприятия, 57 лет, интервью 2013 г.).

Высокие издержки легальности, необходимость содержания специального — и весьма многочисленного — штата людей, вся работа которых состоит в выстраивании отношений с проверяющими инстанциями, негативно отражаются на доходности хозяйствующих субъектов даже в условиях щедрого государственного финансирования. При сокращении же идущих от государства финансовых потоков поддержание легального статуса становится экономически нерациональным для большей части участников регионального рынка. Рост издержек и снижение тех выгод, которые приносит сотрудничество с государством и главными получателями бюджетных средств, и дают толчок изменению поведения бизнеса.

**Региональный
бизнес в условиях
трансформации
«вертикали
власти»**

¹⁷ В режиме 2015.

По мнению респондентов, ситуация начинает ощутимо меняться в 2014 г. Громогласно объявленные проекты развития региона так и не заработали. Наводнение 2013 г. и «майские указы» привели к тому, что, несмотря на возросший объем дотаций, регион оказался в долгу не только перед бюджетом, но и перед коммерческими банками. Распределемый ресурс заметно сократился. Распределители объявили о режиме экономии¹⁷.

Это отразилось на прибюджетном бизнесе. Государственные (региональные) программы не исчезли, но финансирование их стало существенно менее щедрым. Первая (и вполне естественная) реакция этого сектора на изменение ситуации выразилась в попытках сократить число получателей государственных (муниципальных) заказов. Технологии здесь использовались разные. Так, в одном из интервью упоминался такой способ: на начальном этапе объявляется конкурс с заведомо невыгодными условиями, а после победы «правильного» претендента эти условия (в ходе согласования) меняются. Приводились и другие варианты.

Впрочем, почти все респонденты, так или иначе принимавшие участие в реализации государственных и муниципальных контрактов, отмечают снижение их прибыльности и привлекательности. Как показывает проведенный мною анализ статистики за 2013—2015 гг., число предприятий региона, участвующих в исполнении муниципальных заказов, сокращается. С падением оборотов сталкиваются и те, кто «помогал» государственным или находящимся под патронажем государства предприятиям осуществлять свои функции. Активность этих предприятий по организации закупок тоже снижается.

Одним из направлений адаптации к сложившейся ситуации является изменение самой структуры бизнеса. Так, в интервью владельца фирмы, поставлявшей погрузчики для нужд крупных предприятий региона, рассказывается о том, как от продажи новых машин она постепенно переходит к обслуживанию уже проданных, поставке запасных частей и т.д. Другим таким направлением, о котором говорит большинство респондентов, в недавнем прошлом ориентировавшихся на бюджет, выступает диверсификация деятельности — как правило, за счет оказания услуг платежеспособной части местного населения.

«Есть люди с большими деньгами. Ну, как Е. Он еще побарахтается, конечно. А потом или „в кэш“ выйдет, или бизнес переведет в Китай. Словом, свалит и будет балдеть в Таиланде или на Бали. Таких сегодня немного. Большая часть уже свалила или в Госдуму пошла. Мне они не интересны. Они у меня сегодня ничего не купят. Есть люди, у которых совсем денег мало. Их уже много, людей этих. Они мне тоже не интересны. Они только на еду тратят и на одежду самую малость, когда уже совсем подопрет. Это клиенты продавцов на базаре. Они даже „Народной компании“¹⁸ не интересны. Зато большая часть — это люди, которые деньги немножко прижали. В бизнес сейчас вкладываться рискованно. Вот и сидят люди

¹⁸ Сеть продовольственных магазинов в Хабаровске.

с деньгами. Экономят (смеется). Вот я им и помогу экономить» (владелец химчистки, 57 лет, интервью 2015 г.).

Интересно, что при диверсификации обычно выбираются виды деятельности, связанные с «живыми деньгами», то есть те, которые позволяют в той или иной степени уйти в «тень». (В интервью упоминались химчистка, загородная зона отдыха, дешевое кафе в студенческом районе и т.д.) Показательна и значительная доля торговых точек (в частности, в Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре и Владивостоке), где предпочитают оплату наличными, а не картой. Тем не менее большая часть представителей этой группы далека от мысли полностью отказаться от контактов с официальными структурами. Меняются формы взаимодействия, но сами контакты продолжаются и признаются респондентами прибыльными.

«Я сейчас машин мало вожу. Больницы, детские сады стали хуже снабжать. Они меньше закупают. Обслуживаю помаленьку. Какая-то денежка капает. Зато я им стал моющие средства поставлять. Тоже нормальная тема вышла. Я же там всех знаю. Они меня знают. Вот и работаем» (владелец предприятия по поставке и обслуживанию банно-прачечных агрегатов, 57 лет, интервью 2015 г.).

В еще более сложном положении оказались предприниматели, ориентирующиеся на сложившиеся в регионе, прежде всего в Хабаровске и Владивостоке, сообщества с высоким уровнем потребления. Ведь доходы большинства бенефициаров «нулевых» годов, принадлежащих к господствующему «сословию» региона, ощутимо снизились. Это снижение, правда, еще не затронуло силовиков, но и их зарплаты перестали расти. Заметно сократились всевозможные премиальные и доплаты, получаемые чиновниками. Соответственно, уменьшился и общий объем «кормления». Понизились и доходы групп, не входящих в господствующее «сословие», но так или иначе примыкающих к нему и/или аффилированных с ним.

Естественно, все это не могло не сказаться на стандартах потребления. Падают продажи в автосалонах, остаются недостроенными коттеджи в пригородах, разоряются застройщики, закрываются дорогие магазины и рестораны, туристические агентства. Впрочем, судя по отзывам, тяжелые времена для туристической отрасли наступили раньше — в связи с запретом на выезд за рубеж представителей силовых структур (2013 г.) и скачком курса доллара (2014 г.).

Здесь стратегия предпринимателей несколько иная. Пока большинство из них пытается выждать, временно переориентировавшись на менее состоятельных потребителей.

«У нас пока все нормально. Число покупателей даже немного выросло. Правда, ценник, конечно, упал. Да и товары мы стараемся сегодня завозить попроще. Раньше всякие там элитные краски, обои из Италии. Теперь обычные берут охотнее. Чистенько, целенько и ладно. Вот такие мы и предлагаем» (хозяин магазина строительных материалов, 42 года, интервью 2016 г.).

Однако число закрывшихся дорогих магазинов, пустующих мест в торговых центрах постоянно растет. Данная тенденция отчетливо видна во многих городах региона, в том числе в Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре и ряде других.

Поэтому возникает и другая стратегия — максимальное удешевление производства за счет сокращения издержек легальности. Иными словами, уход в «тень». Понятно, что о полной делегализации речь не идет и здесь. Просто из легального оборота выводятся какие-то более или менее существенные звенья.

Скажем, сырье для приготовления блюд в ресторане производится на «приусадебном участке», а его покупка оформляется с помощью поддельных документов или не оформляется вовсе; строительные материалы приобретаются у теневых «мастеров» и т.д. Тем самым официально зарегистрированное юридическое лицо становится пространством промыслов для групп без регистрации. Возвращается и теневая занятость на производстве. Не со всеми работниками заключается трудовой договор, какая-то часть из них трудится без всякого оформления, под честное слово. Использование подобных работников освобождает предпринимателя от необходимости выплачивать огромные начисления на фонд заработной платы, что повышает рентабельность бизнеса.

В условиях, когда перечисления из федерального бюджета значительно сократились, а обязательства остаются крайне серьезными, обостряется проблема поиска денег. Чтобы решить эту проблему, и усиливают давление на региональный бизнес, главным образом, конечно, легальный и не особенно мелкий. Давят, как отмечается в интервью, на тех, кого легче проверять. Потому-то юридическая форма используется сегодня существенно реже, перестает соотноситься с реальной деятельностью. Она нужна при взаимодействии с государством или бюджетной организацией, работающей «через договор». Но в нормальной ситуации обходятся без нее. В этом плане весьма показательным увеличением числа предприятий, сдающих в налоговую инспекцию «нулевые» балансы, что, судя по интервью, далеко не всегда свидетельствует о прекращении деятельности. Многие предприятия просто меняют режим функционирования, переходя в формат «свободного промысла».

Важно отметить, что риски правового преследования оцениваются респондентами не слишком высоко. Точнее, эти риски связываются скорее с легальностью, чем с уходом в «тень». Ведь «теневиков» — *«если стучать соседи не будут»* — поймать почти невозможно. Зато предприятия, находящиеся в легальном поле, оказываются под ударом. Причем проблемы им создают уже не только проверяющие из фискальных или иных гражданских инстанций. Учащаются проверки со стороны прокуратуры, антимонопольной службы, МВД и тому подобных структур — особенно в отношении фирм с приличным оборотом. И речь в данном случае, по словам самих респондентов, идет отнюдь не о вымогательстве.

Опираясь на интервью, можно выделить две основные причины начавшегося наступления на бизнес. Первая из них заключается в том, что любые движения по оптимизации налогооблагаемой базы, даже те, которые еще в «нулевые» годы считались вполне легитимными и допустимыми, сегодня рассматриваются под углом зрения коррупции и уклонения от уплаты налогов. Проблема в выборе системы имен для описания реальности. Тотальная реальность для своего осмысления нуждается в выделении объектов, которые подвергаются осмыслению. Такое выделение предполагает наложение на предъявляемое сознанию явление семантической структуры концепта (имени), некоего образа реальности, который в нем содержится. Все элементы явления, не вписывающиеся в семантику именованного, просто вытесняются за пределы сознания. Ни наблюдатель, принимающий данную систему имен, ни участник процесса, описываемого данным именем, их не видит. Наличие системы имен («рынок», «прозрачная деловая среда», «цивилизованное предпринимательство» и т.д.), имеющих слабое отношение к российскому региональному бизнесу¹⁹, приводит к тому, что фактически существующие предпринимательские практики в принципе не могут быть осмыслены правоохранителями и контролерами в иных терминах, чем «правонарушение». А правонарушения следует пресекать.

¹⁹ Бляхер 2017.

Вторая причина — план и стремление его выполнить. Силовые структуры тоже превращены в плановые организации. «Палочная система», о порочности которой столько писалось и говорилось²⁰, *de facto* действует в каждой из силовых организаций. Невыполнение плана грозит разными, но в равной степени неприятными последствиями. От достижения плановых показателей зависит премия, дальнейшее продвижение по службе, вес в неформальной служебной иерархии и многое другое. Соответственно, здесь начинает работать принцип экономии усилий²¹. На легальных предпринимателях план выполнить проще, чем на нелегальных, которых еще требуется найти и доказать, что они предприниматели.

²⁰ См., напр. Рущенко 2005; Волков 2010; Панях и др. 2012.

²¹ Панях, Титаев 2011.

По мере сокращения числа легальных предпринимателей количество проверок, приходящихся на каждое предприятие, возрастает — ведь план по проверкам надо выполнять. В итоге штрафы превращаются, по сути, в еще одну форму налогообложения. Такая ситуация и создает почву для стремительного движения предпринимателей в «тень».

Сокращение объема легальных ресурсов при довольно скромных успехах по налаживанию взаимодействия с «тенью» усиливает конкуренцию между действующими в регионе энфорсерами, еще недавно выступавшими в качестве элементов «вертикали власти». Усложняется система управления этими структурами, увеличивается число параметров отчетности и контроля, воссоздается система, некогда обозначенная мною как «презумпция виновности»²². Правда, на этот раз она распространяется не только на подвластных агентов, но и на властных акторов. Теперь сами властные субъекты оказываются в положении, когда почти любое их действие может быть расценено как преступное.

²² См. Бляхер 2003; Бляхер, Огурцова 2006.

В 1990-х годах возникновение «презумпции виновности» сопровождалось становлением силового актора («регионального барона»), от которого зависело, будет ли замечено нарушение. На этом, собственно, и строилась его власть. Сегодня ситуация иная. Даже если агенту удалось договориться с одним из контролеров или силовиков, это не гарантирует ему безопасность, ибо нарушение может заметить иная надзирающая структура. В условиях избытка регулирующих структур и ослабления селективности наказания (точнее, непонятности принципов таковой) любая активность — социальная, экономическая, политическая — становится максимально рискованной.

В наиболее сложной ситуации оказались губернаторы, которых по привычке относят к региональным энфорсерам и потому считают опасными для центральной власти. С самого начала эпохи «вертикали» их плотно опекали. Превращение избираемых губернаторов в назначаемых чиновников, а низовых подразделений федеральных органов власти — в надзирателей за региональными администрациями принципиально изменило роль этих акторов в региональной политической структуре. При этом возвращение выборов несколько не облегчило их положения. Дело в том, что разрушив «губернаторскую экономику» и отобрав у региональных руководителей большую часть полномочий, федеральный центр сохранил за ними все обязательства. Социальное самочувствие населения, политическая стабильность, реализация социальной политики, показатели экономики и чуть ли не восход солнца над регионом — все это остается зоной ответственности бывших региональных владык. Иными словами, даже в максимально рискованной ситуации им приходится как-то действовать, поскольку бездействие автоматически подводит их под санкции.

С уменьшением потока федеральных денег, поступающих в регион, и ужесточением контроля над их использованием положение губернатора еще больше усложнилось. Ведь сокращение ресурса никак не повлияло на объем задач, возложенных на региональные администрации. Все чаще на запросы в центр звучит рекомендация «искать инвесторов на местах». Однако попытки найти таковых нередко трактуются как коррупция. А оценка результативности губернатора на основании совокупности показателей, по которым он должен отчитываться, de facto мало чем отличается от той самой «палочной системы», о которой шла речь выше.

Наряду с губернаторами, в качестве региональных энфорсеров принято рассматривать полномочных представителей президента. При чем полпред Дальневосточного федерального округа — это еще и вице-премьер, обладающий «собственным» министерством (Минвостокразвития). Несмотря на общность объекта управления, задачи полпреда и губернаторов не совпадают. Губернаторы отвечают прежде всего за лояльность населения и результаты выборов, тогда как полпред по идее призван содействовать реализации масштабных проектов по хозяйственному развитию региона.

Если в прежние времена эти структуры черпали ресурсы из разных источников, то сегодня и одна, и другая ищут их в регионе. В условиях стремительного сокращения федерального финансирования и ухода предпринимателей в «тень» это ведет к возникновению устойчивого структурного конфликта интересов, сходного с тем, что имел место между губернатором и мэром регионального центра при «губернаторской экономике». И в этом конфликте губернатор оказывается слабейшей стороной. Не случайно именно в региональных администрациях больше всего лиц, попавших под следствие. Конечно, возможности полпреда тоже не безграничны. Саму территорию, как и ее экономику, он напрямую не контролирует. Однако его присутствие еще больше ослабляет контроль губернатора над регионом.

Особенность нынешней ситуации заключается в том, что в борьбе между губернаторским и макрорегиональным уровнями управления активно используется прокуратура. Запрос в прокуратуру, инициирование проверки в отношении того или иного должностного лица превращаются в излюбленное оружие силовых предпринимателей. Свидетельством тому могут служить, в частности, массовые преследования региональных чиновников в Приморье и на Сахалине²³, а также аналогичные (хотя и более скромные) процессы в Хабаровском крае и Амурской области²⁴.

Показательно, что среди подвергшихся преследованию представителей региональных администраций почти всегда присутствует ответственный за важнейшую сырьевую отрасль (рыболовство, лесозаготовки, добывающий комплекс), одну из тех, что кормили территорию в 1990-е годы. Вопрос контроля над этими отраслями вновь становится ключевым. И каждый раз всплывают прокуратура и следственные органы. Если в 1990-е, да и в «нулевые» годы обращение к ним было чем-то исключительным, то сегодня оно все больше становится неотъемлемой составляющей региональной жизни.

Но к «услугам» прокурора прибегают далеко не только новые и традиционные силовые предприниматели. В интервью упоминались случаи, когда этот инструмент использовался для «решения вопроса» с конкурентом, освобождения от неудобного работника и давления на руководителя предприятия.

«Я когда пришел в Д. [название предприятия — Л.Б.], у меня волосы дыбом встали. Разговорено все что можно. Денег на счетах почти нет, поступления самые смешные. Ну, начал порядок наводить. Проверять расходы, затраты, бухгалтерию. Они там вообще раскайфованные были. Зарплаты себе такие рисовали, что у меня глаза на лоб вылезали. Вот. Ну что? Поувольнял их, к чертям собачьим²⁵. Через три дня у меня дяденька из прокуратуры сидел в кабинете. Проверка. Эти гады написали. Понятно, что чушь. Все понимают. Но проверка была по полной. Еле отбились» (руководитель предприятия, 54 года, интервью 2015 г.).

В политических, экономических и социальных конфликтах появляется новая сторона — силовые структуры. Обращение к ним (или

²³ Хорошавин 2017;
Во Владивостоке
2017.

²⁴ Министра 2016.

²⁵ В интервью
иначе.

угроза такого обращения) выступает новой для региона формой энфорсmenta. Казалось бы, это вполне логичный энфорсер, соответствующий возложенным на него функциям. Что еще делать прокуратуре, как не надзирать, а следственному комитету — как не вести следствие? Однако здесь все не так просто. Невероятная законодательная активность Государственной Думы в отсутствие тщательной экспертизы (хотя бы юридической) порождает путаницу и в правоприменении.

Когда закон противоречив или плохо проработан, интерпретатором приходится быть даже прокурору, настроенному на самое строгое его исполнение. Более того, оказавшись в ситуации избыточного регулирования и не имея собственного энфорсера, который объяснил бы правила избирательности санкций, он вынужден сам, на свой страх и риск выстраивать эти правила, тем самым выпадая из-под контроля вышестоящих структур. Особенно это характерно для низовых подразделений, непосредственно осуществляющих санкции в отношении бывших территориальных элит и территориального сообщества в целом. Возможность, а часто и необходимость интерпретации нечетко сформулированного закона и выработки собственных принципов селективности превращает инструмент энфорсmenta в самостоятельного энфорсера, агента в принцепала. По крайней мере, для данной территории.

Но интерпретация закона (нормы) в отсутствие признанного права на интерпретацию оборачивается тем, что под удар попадает сам интерпретатор (прокурор, следователь и др.), тем более когда рядом с ним действуют конкурирующие органы, по сути выполняющие те же функции, а потому претендующие на те же ресурсы и регулирование тех же отношений. Высокая вероятность столкновения между силовыми структурами, время от времени реализующаяся в грандиозных скандалах²⁶, приводит к тому, что энфорсер не складывается. Точнее, он не способен задать структуру поведения населения, в том числе хозяйствующих субъектов. Ведь если силовой предприниматель не в состоянии обеспечить безопасность группы, ориентирующейся на его правила, его «услуги» ей ничего не дают. И действительно, ни в одном интервью не говорилось о «прокурорской крыше» или чем-то подобном. По-видимому, подобная практика пока отсутствует или только формируется.

Неожиданно часто в интервью последних лет, особенно с представителями микробизнеса, в качестве значимых энфорсеров стали упоминаться главы муниципальных образований. В отличие от региональных администраций, они работают не с воображаемым, конструируемым официальной документацией, а с реальным сообществом, большинство членов которого лично знакомы друг с другом, входят в общие социальные сети, связаны соседскими, родственными и иными узами. Поэтому эти руководители обычно осведомлены о теневом бизнесе и вполне могут осуществлять в отношении него те или иные действия — особенно когда бизнес местный. В результате, судя по интервью, они начинают

²⁶ *Прокурор 2015.*

выступать в роли третейских судей, тех самых «уважаемых людей», которые гарантируют сделку в «тени».

«Как с партнерами работаем? Нормально так работаем. Они же понимают, что за косяк можно и по физиономии схлопотать. Да и узнают все, что с этими работать нельзя — сдадут или накосячат. <...> Ну, в плохом варианте есть уважаемые люди. Они и разберутся, кто здесь прав, а кто нет. <...> Да, глава — это уважаемый человек. Он тоже может развести ситуацию» (производитель мебели, 43 года, интервью 2015 г.).

Следует особо подчеркнуть, что речь здесь идет именно о сверхмалом бизнесе. Правда, в каких-то случаях этот сверхмалый бизнес может быть элементом достаточно сложной структуры, напоминающей рассеянную мануфактуру эпохи становления рынка. Но и в этой ситуации он регулируется группой «уважаемых людей», а сетевые механизмы поддерживают высокий уровень доверия.

Даже при минимальном организационном оформлении предприятия и выходе коммуникации за пределы локального сообщества требуется иной энфорсер. Как уже отмечалось, основная масса предприятий региона, в том числе и тех, что частично сместились в серую зону, не готова полностью отказаться от легального статуса. Не готовы делегировать и жители Дальнего Востока. Они-то и испытывают наибольшую депривацию от отсутствия энфорсера. Но сегодня его нет. Постоянные конфликты между претендентами на монополию в сфере легитимного насилия не позволяют никому из них установить контроль над каким-то значимым сегментом региональной экономики, сформировать аналог «губернаторского картеля» конца 1990-х годов. Региональные акторы продолжают искать силового предпринимателя, способного структурировать территориальное сообщество.

При всем том уже более или менее очевидно, что на авансцену региональной социально-экономической и политической жизни выходят территориальные подразделения силовых структур. Кто из них займет место отсутствующего энфорсера, пока сказать трудно. Это будет зависеть от того, насколько значимым останется легальный сегмент экономики, насколько стремительно будет разрастаться «тень». Возможно, что новый энфорсер возникнет в результате союза между силовиками или альянса силовиков с какой-то из структур исполнительной власти или местного самоуправления. Возможен (в случае массового ухода бизнеса в «тень») и союз силового подразделения с «уважаемыми людьми», обеспечивающими сегодня теневые трансакции. Ясно лишь то, что привычных для нас региональных элит в их прежнем виде и с прежними функциями уже нет, и концентрация исследовательского внимания на их роли в избирательном или каком-то другом процессе объясняется скорее инерцией, нежели пониманием реального положения дел.

Библиография

- Бляхер** Л.Е. (ред.) 2000. *Изменение поведения экономически активного населения в условиях кризиса: На примере мелких предпринимателей и самозанятых.* — М.
- Бляхер** Л.Е. 2003. Властные игры в кризисном социуме: преобразование российской институциональной структуры // *Полис.* № 1.
- Бляхер** Л.Е. 2009. Почему «шумит» Приморье? // *Вопросы местного самоуправления.* № 6.
- Бляхер** Л.Е. 2012. «Ненашенский» Дальний Восток, или Любое «далеко» к чему-нибудь «близко» // *Отечественные записки.* № 1.
- Бляхер** Л.Е. 2014. *Искусство неуправляемой жизни: Дальний Восток.* — М.
- Бляхер** Л.Е. 2017. *Стратегии выживания в условиях кризиса (Предприниматели Дальнего Востока и не только).* — М.
- Бляхер** Л.Е., Огурцова Т.Л. 2006. Приключения легитимности власти в России, или Воссоздание презумпции виновности // *Полис.* № 3.
- В режиме** экономии: госструктуры сокращают расходы. 2015 // *Правдоруб.* 27.02 (<http://pravdoryb.info/v-rezhime-ekonomii-gosstruktury-sokraschayut-raskhody.html>).
- Во Владивостоке** задержан директор ТИНРО-центра Лев Бочаров. 2017 // *PrimaMedia.* 14.03 (<http://primamedia.ru/news/575285/>).
- Волков** В.В. 1999. Силовое предпринимательство в современной России // *Социологические исследования.* № 1.
- Волков** В.В. 2002. *Силовое предпринимательство.* — СПб., М.
- Волков** В.В. 2010. Палочная система: Инструмент управления // *Ведомости.* 19.02.
- Волков** В.В. 2012. *Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ.* — СПб.
- Люхтерхандт** Г. и др. 2012. *Политика и культура в российской провинции.* — М.
- Министра** строительства края Андрея Скоморохова «закрыли» под домашний арест. 2016 // *DVNAB.* 17.02 (<http://www.dvnovosti.ru/incidents/2016/02/17/46833/#ixzz4bT9f6rkB>).
- Олсон** М. 2012. *Власть и процветание: Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры.* — М.
- Панеях** Э.Л. 2014. Четыре сценария абсорбции формального права социальным институтом // *Вестник ТОГУ.* № 3.
- Панеях** Э.Л. и др. 2012. *Правоохранительная деятельность в России: структура, функционирование, пути реформирования.* — СПб.
- Панеях** Э.Л., Титаев К.Д. 2011. *От милиции к полиции: реформа системы оценки деятельности органов внутренних дел.* — СПб.
- Прокурор** Приморского края утвердил обвинительное заключение по обвинению бывшего работника региональной прокуратуры в совершении преступления коррупционной направленности. 2015 (<http://prosecutor.ru/news/prosecutorpk/2015-04-22-prokuror-primorskogo-kрая.htm>).

Рущенко И. 2005. Без статуса, или В «яме неопределенности»: К проблеме незаконного насилия в органах милиции // *Неприкосновенный запас*. № 4 (42).

Хорошавин не признал вину по выдвинутым обвинениям. 2017 // *Regnum*. 6.03 (<https://regnum.ru/news/society/2245725.html>).

Bliakher L. 2013. The Regional Barons // *Russian Politics and Law*. Vol. 51. № 4.

Cameron R., Turovsky R.F. 2015. Centralized but Fragmented: The Regional Dimension of «Russia's Party of Power» // *Demokratizatsiya*. Vol. 23. № 2.

References

Bliakher L.E. (ed.) 2000. *Izmenenie povedeniya ekonomicheski aktivnogo naseleniya v usloviyah krizisa: Na primere melkih predprinimatelej i samozanjatyh*. — М.

Bliakher L.E. 2003. Vlastnye igry v krizisnom sociume: preobrazovanie rossijskoj institucional'noj struktury // *Polis*. № 1.

Bliakher L.E. 2009. Pochemu «shumit» Primor'e? // *Voprosy mestnogo samoupravleniya*. № 6.

Bliakher L.E. 2012. «Nenashenskij» Dal'nij Vostok, ili Ljuboe «daleko» k chemu-nibud' «blizko» // *Otechestvennye zapiski*. № 1.

Bliakher L. 2013. The Regional Barons // *Russian Politics and Law*. Vol. 51. № 4.

Bliakher L.E. 2014. *Iskusstvo neupravljaemoj zhizni: Dal'nij Vostok*. — М.

Bliakher L.E. 2017. *Strategii vyzhivaniya v usloviyah krizisa (Predprinimateli Dal'nego Vostoka i ne tol'ko)*. — М.

Bliakher L.E., Ogurcova T.L. 2006. Prikljuchenija legitimnosti vlasti v Rossii, ili Vossozdanie prezumpcii vinovnosti // *Polis*. № 3.

Cameron R., Turovsky R.F. 2015. Centralized but Fragmented: The Regional Dimension of «Russia's Party of Power» // *Demokratizatsiya*. Vol. 23. № 2.

Horoshavin ne priznal vину po vydvinutym obvinenijam. 2017 // *Regnum*. 6.03 (<https://regnum.ru/news/society/2245725.html>).

Luchterhandt G. i dr. 2012. *Politika i kul'tura v rossijskoj provincii*. — М.

Ministra stroitel'stva kraja Andreja Skomorohova «zakryli» pod domashnij arest. 2016 // *DVHAB*. 17.02 (<http://www.dvnovosti.ru/incidents/2016/02/17/46833/#ixzz4bT9f6rkB>).

Olson M. 2012. *Vlast' i procvetanie: Pererastaja kommunisticheskie i kapitalisticheskie diktatury*. — М.

Paneyakh E.L. 2014. Chetyre scenarija absorpcii formal'nogo pravila social'nym institutom // *Vestnik TOGU*. № 3.

Paneyakh E.L. i dr. 2012. *Pravoohranitel'naja dejatel'nost' v Rossii: struktura, funkcionirovanie, puti reformirovaniya*. — SPb.

Paneyakh E.L., Titaev K.D. 2011. *Ot milicii k policii: reforma sistemy ocenki dejatel'nosti organov vnutrennih del.* — SPb.

Prokuror Primorskogo kraja utverdil obvinitel'noe zakljuchenie po obvineniju byvshego rabotnika regional'noj prokuratury v sovershenii prestuplenija korrupcionnoj napravlenosti. 2015 (<http://prosecutor.ru/news/prosecutorpk/2015-04-22-prokuror-primorskogo-kрая.htm>).

Rushhenko I. 2005. Bez statusa, ili V «jame neopredelennosti»: K probleme nezakonnogo nasilija v organah milicii // *Neprikosnovennyj zapas.* № 4 (42).

V rezhime ekonomii: gosstruktury sokrashhajut rashody. 2015 // *Pravdoryb.* 27.02 (<http://pravdoryb.info/v-rezhime-ekonomii-gosstruktury-sokrashajut-rashody.html>).

Vo Vladivostoke zaderzhan direktor TINRO-centra Lev Bocharov. 2017 // *PrimaMedia.* 14.03 (<http://primamedia.ru/news/575285/>).

Volkov V.V. 1999. Silovoe predprinimatel'stvo v sovremennoj Rossii // *Sociologicheskie issledovanija.* № 1.

Volkov V.V. 2002. *Silovoe predprinimatel'stvo.* — SPb., M.

Volkov V.V. 2010. Palochnaja sistema: Instrument upravlenija // *Vedomosti.* 19.02.

Volkov V.V. 2012. *Silovoe predprinimatel'stvo, XXI vek: ekonomiko-sociologicheskij analiz.* — SPb.